

КРИЗИСНОЕ СОСТОЯНИЕ КУСТАРНО-ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИИ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ НЭПОВСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА 1921 – 1923 ГГ.

© 2008 О.В.Ягов

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г.Белинского

В данной публикации на примере Самарской губернии рассматривается процесс перестройки деятельности кустарно-промысловой кооперации в условиях относительной либерализации экономического курса в начале 1920-х годов. При этом отмечается, что переход кооперативной системы на новые условия хозяйствования носил болезненный характер, и вплоть до 1924 года рассматриваемый вид кооперации находился в кризисном состоянии.

Одним из устоявшихся штампов советской исторической науки являлась оценка периода реализации новой экономической политики как времени бескризисного развития кооперативных систем. Лишь в конце 1980-х гг. некоторые исследователи поставили вопросы о трудностях осуществления этой политики¹.

На наш взгляд, заслуживает внимания публикация сибирского историка А.А.Николаева, в которой предпринимается попытка по-новому обозначить этапы в развитии кустарно-промысловой кооперации в 1920-е гг. В частности, период с 1921 по 1923 гг. он определяет как этап перехода от военного коммунизма к новой экономической политике². Изучение условий функционирования кустарно-промысловой кооперации в Самарской губернии заставляет нас согласиться с выводом А.А.Николаева.

Работа с материалами центральных и региональных архивов, а также изучение периодической печати 1920-х гг. позволили нам воспроизвести картину состояния самарской кооперации в начале нэпа и придти к выводу, что декларированная в начале нэпа всемерная поддержка кооперации со стороны властных структур на практике выглядела несколько иначе. Более того, в рассматриваемый в публикации период кустарно-промысловая кооперация отдельно взятой губернии находилась на краю организационного и хозяйственного краха.

Зайдя в социально-экономический тупик с помощью военно-коммунистических методов хозяйствования и приблизив себя к политической катастрофе, советская власть в начале 1921 г. была вынуждена искать выход из критической ситуации. Результатом этих поисков

стало провозглашение нэпа, в рамках которого началось постепенное возвращение к основным демократическим принципам кооперативного движения: восстанавливая добровольное членство в кооперативах и членские взносы, отдельные виды кооперации получали право на самостоятельное развитие, также пересматривались ранее принятые декреты, ограничивавшие в той или иной степени деятельность кооперативных систем³.

Однако в Самарской губернии провозглашенное размежевание потребительской и других видов кооперации с кустарно-промысловой носило, в значительной мере, формальный характер, так как состояние экономики не позволяло строго разграничивать сферы хозяйственной деятельности производителя. А главное, политика правящей партии в организационном строительстве кооперации в начале нэпа была непоследовательной. Так, XII Всероссийская конференция РКП (б) (4 – 7 августа 1922 г.) признавала целесообразным существование различных форм производственной кооперации; в то же время, предлагала добровольное слияние кооперации разных видов в смешанные кооперативы, создание объединенных промышленных предприятий⁴.

Уже в начале нэпа в среде идеологов и практических работников кооперации возникло два течения: сторонников создания специализированных кооперативных союзов и так называемых универсалистов, выступавших за смешанные (интегральные) союзы. Между ними в 1921 г. развернулась жесткая дискуссия. Главным доводом сторонников универсализма был аргумент о невозможности разграничения деятельности различных видов кооперации, так как кредитная кооперация торговала мануфак-

турой и обувью, потребительская имела свои производственные артели и т. п. Кроме того, в 1921 г. в РСФСР из 200 кооперативных союзов около 75 % были смешанными.

В Самарской губернии кооперативный интеграл стали осуществлять на практике. 26 – 28 июня 1921 г. в Самаре состоялся губернский кооперативный съезд, который учредил Самарский губернский союз сельскохозяйственных и кустарно-промысловых кооперативов (Кооперативсоюз)⁵. Основой созданного союза была бывшая Губсельпромсекция Самарского губернского потребительских обществ.

Если в Пензенской губернии уже 10 августа 1921 г. был воссоздан самостоятельный кустарно-промысловый кооперативный союз (Кустарсоюз)⁶, то в докладе инструктора-контролера кооперативного кустарного управления ВСНХ Р.Сляжевича о работе в Самарской губернии отмечались затруднения в кооперировании мелких товаропроизводителей из-за неурядиц организационного характера, так и не позволивших в начале нэпа создать специализированный губернский центр кустарно-промысловой кооперации⁷.

В конечном итоге, кооперированная кустарная промышленность рассматриваемой губернии приобрела независимость от других видов кооперации лишь в 1927 г., когда специально созданная комиссия признала, что "отсутствие какого-либо организационного руководства, в условиях недостатка сырья, отсутствия организованного сбыта, создает своеобразную обстановку постоянного распада и создания новых кустарно-промысловых артелей..."⁸. После завершения проверки комиссия постановила "безотлагательно приступить к организации специализированного промыслового союза"⁹.

Переход к нэпу сопровождался введением свободного товарооборота, что, в свою очередь, формально должно было способствовать налаживанию рыночного хозяйственного механизма в деятельности как некооперированных, так и объединенных кооперацией мелких товаропроизводителей.

Однако перестройка хозяйственной деятельности кустарно-промысловой кооперации на началах нэпа происходила в условиях тяжелейшего кризиса, охватившего экономику страны. За годы Первой мировой и Гражданской войн общий урон, по неполным данным, составил 76 544, 97 млн золотых рублей, или

свыше половины национального богатства, которым располагала Россия в 1913 г.¹⁰

В Самарской губернии кризисная ситуация в экономике была усугублена дополнительными причинами, связанными с ведением военных действий на этой территории и неурожаем 1920 г.

Хозяйственный кризис, охвативший промышленность и сельское хозяйство региона, закономерно привел к свертыванию мелкоотварного производства, в том числе и кооперированного, так как крайне низкая покупательная способность населения, даже в условиях перехода к свободному товарообмену, не позволяла кустарям и ремесленникам реализовывать свою продукцию.

Кроме того, несмотря на жесткий государственный контроль, положительной стороной кооперативной политики большевиков в годы военного коммунизма являлось то, что кустарно-промысловая кооперация в первую очередь обеспечивалась сырьем, полуфабрикатами и производственным инвентарем, имела гарантированные заказы от государственных и военных ведомств. Члены кустарно-промысловых кооперативов получали отсрочки по трудовой и военной мобилизации, им выдавались продовольственные пайки и предоставлялись другие льготы, имевшие большое значение в условиях военного времени.

Переход к нэпу означал изменение условий существования и хозяйственной деятельности кооперативного сектора кустарной промышленности, при которых производственная кооперация должна была вступить в свободную конкуренцию с частнохозяйственным производством.

Однако частный капитал в условиях нэпа быстрее приспособился к рыночному спросу, характеризовался минимальными накладными расходами, имел свободные денежные средства и соответственно быстрее завоевывал рынки сырья и сбыта. В этих условиях кооперация не могла составить частным предпринимателям конкуренцию, поэтому, как и в предшествующий нэпу период нуждалась в государственной поддержке.

Властные структуры также были заинтересованы в сохранении и развитии кооперации, так как в ближайшем будущем планировали преобразовать кооперативные объединения, ранее носившие государственно-

капиталистический характер, в социалистические предприятия.

Однако в условиях перехода к нэпу из всех видов кооперации кустарно-промысловая сталкивалась с наибольшими трудностями, и ей на местах уделялось меньше внимания. По сути, она являлась "падчерицей" в кооперативной системе.

Данный вывод подтверждают отчеты инструкторов Всекопромсоюза, в которых отмечалось, что некоторые кооперативные союзы никак не могут договориться с работниками местных ГСНХ по целому ряду вопросов, приводились курьезные факты, когда циркуляры местных советских государственных органов были "сильнее", чем например, декрет ВЦИК и СНК РСФСР "О промысловой кооперации" от 7 июля 1921 г., призывавший оказывать всяческую помощь кустарно-промысловой кооперации¹¹.

Бюрократия и бесхозяйственность процветали и в руководящих кооперативных органах. Показательной в этом отношении является докладная записка председателя Самарского губкустпрома Р.К.Грюнберга, направленная в Президиум Главкустпрома. В ней он просит сделать распоряжение соответствующим органам о выдаче нарядов на заготовку сырья", так как у начальника производственного управления не нашлось времени в течение дня принять меня. Я не желаю рисковать еще одним рабочим днем и не могу питать доверия и обращаться по серьезному делу к человеку, который небрежно относится к делам службы", – резюмировал Р.К.Грюнберг¹².

Декретированные в 1921 г. привилегии и всемерная поддержка кустарно-промысловой кооперации со стороны государства на практике не реализовывались. Более того, кооперированные кустари и ремесленники оказались в более жестких условиях, чем самостоятельные мелкие товаропроизводители и предприниматели.

В начале нэпа циркуляция сырья и готовых изделий от высших кооперативных ступеней к низшим и обратно обусловила многократное налоговое обложение кооперативных объединений. Налоги, взимаемые с кустарно-промысловой кооперации в начале 1920-х гг., доходили до 70 % от оборота¹³.

Проводившаяся налоговая политика закономерно вела к сокращению числа низовых

кооперативов. Мелекесский кустарный союз Самарской губернии в 1922 г. сообщал во Всекопромсоюз о закрытии целого ряда артелей из-за непосильных налогов¹⁴.

Таким образом, в первые годы нэпа регулирование кустарной промышленности и кустарно-промысловой кооперации финансовыми органами находилось в противоречии с постановлениями центральных органов власти о мерах по поддержке кооперативного сектора экономики.

Наряду с вышеперечисленными трудностями, характерными для всей кооперативной системы, в рассматриваемой губернии имелись дополнительные причины, сдерживающие хозяйственный рост кустарно-промысловой кооперации. Основной из них, на наш взгляд, был голод 1921 – 1922 гг., вызванный небывалой засухой, приведшей к неурожаю и сокращению посевных площадей.

Голод не давал возможности кооперативным организациям развернуть массовое производство. Председатель Самарского губисполкома Сокольский 2 июня 1921 г. докладывал на бюро обстановку в Пугачевском уезде: "Хозяйственное положение крайне тяжелое, ... работа кооперации развалилась"¹⁵. Инструкторы кооперативных органов, анализировавшие состояние в регионе в отчетах рассказывали об ужасающих картинах голодного Поволжья. Так, инструктор П.Худяков отмечал, что в Самарской губернии масса крестьянских детей лежат прямо на земле и уже ничего не просят, а только стонут. Лица у четырехлетних детей были старческими.

В Балаковском уезде в 1921 г. 75 % урожая погибло, количество скота сократилось на 60 %. В Пугачевском уезде урожай погиб весь, а население питалось сусликами¹⁶. В сентябре 1921 г. служащие Самарского губпродкома написали письмо в ЦК Помгол, в котором отмечали, что в Самарской губернии зимой текущего года будет не менее 300 тыс. голодающих детей и 3,5 млн взрослых. В деревнях и городах, писали они, давно уже едят разнообразные суррогаты; желуди и лебеда считаются лучшими из них¹⁷.

В июне 1921 г. Самарский губком РКП (б) направил в Кремль секретную телеграмму, в которой отмечалось, что положение в губернии критическое. Из-за отсутствия продовольствия

промышленность останавливается, а служащие предприятий не появляются на работе¹⁸.

Положение мелких товаропроизводителей усугублялось и тем, что если рабочие государственных предприятий хоть как-то еще обеспечивались продовольствием в плановом порядке, то кустари были брошены на произвол судьбе. Смертность среди них была самой высокой.

Сообщения о критическом положении в голодающих губерниях, поступившие в центр способствовали проведению экстренного совещания представителей Главкустпрома, промышленной кооперации и общественных деятелей, которое состоялось 7 июля 1921 г. в Москве. На нем член коллегии Главкустпрома М.И.Либер, оценивая ситуацию в Поволжье, отметил, что накормить всех голодающих мы не сможем, а выборочная помощь может привести к эксцессам, поэтому необходимо сосредоточить усилия на поставке кустарям и их артелям сырья и затем выкупить готовую продукцию.

Также он предложил для организации этой работы создать опорный пункт в Саратове (для координации деятельности в Саратовской, Царицынской, Астраханской и Самарской губерниях).

25 июля 1921 г. при Главкустпроме создали комиссию помощи голодающим, которая должна была обеспечивать кустарей работой, через реализацию их изделий. Обследование пострадавших от голода районов показало, что предложение изделий со стороны кустарей являлось огромным. Более того, по основным отраслям кустарной промышленности в голодающих губерниях можно было заготовить не менее 50 % всего производственного плана Главкустпрома. Иными словами, элементарная экономическая целесообразность диктовала необходимость финансирования регионов, пораженных голодом. Однако, как свидетельствуют материалы архивов, даже в самом Главкустпроме комиссия не встретила поддержки, не говоря уже о других учреждениях¹⁹.

Большая часть ассигнований Главкустпрома распределялась без ведома комиссии, несмотря на принятое постановление о необходимости привлечения ее членов к данной работе. Более того, кустарное производство голодающих губерний финансировалось в меньших размерах, чем в остальных районах страны. Так, производственная программа по заготовке

лаптей предполагала получить из голодающих губерний 60 % от всей продукции, а выделено было на выполнение программы в эти районы не более 20 % от общей суммы.

Нельзя сказать, что Главное управление по делам кустарной и мелкой промышленности и промышленной кооперации никак не реагировало на сложившуюся в Самарской губернии кризисную ситуацию. Но та помощь, которую пытались оказывать центральные органы, практически никак не решала финансовых проблем региональных органов управления кустарной промышленностью и промышленной кооперацией. Так, Самарскому губкустпрому на просьбу о предоставлении 525 млн рублей выделили лишь 20 млн рублей. При этом, нами был обнаружен в Российском государственном архиве экономики интересный документ, из которого следует, что в критический момент в деятельности местных губкустпромов для нужд Дома отдыха сотрудников Главкустпрома выделили 25 млн рублей. Также Главкустпромом, по просьбе заведующего оперной студией Большого театра Б.Т.Станиславского, было выделено 25 млн рублей на изготовление костюмов и декораций²⁰. Эти суммы перечислялись в самый пик голода в Поволжье.

Как это ни странно, но голод сыграл и определенную положительную роль для сохранения некоторых видов кустарного производства. Так, массовый убой скота предоставил мелким товаропроизводителям и их артелям необходимое сырье. В этой связи в губернии получило значительное развитие мыловарение, в котором использовалось техническое сало²¹.

Несмотря на тяжелейшее положение самой кооперации, кооперативные органы стремились помогать голодающему населению.

Организованный в июне 1921 г. Самарский губернский союз сельскохозяйственных и кустарно-промышленных кооперативов уже на момент создания наметил целый ряд мероприятий по борьбе с голодом: заготовку продуктов для членов кооперативов на их средства, оказание поддержки кустарям продовольствием, сырьем, деньгами, а также оказание помощи при сбыте готовых изделий. Кооперативсоюз для осуществления намеченных мероприятий выпустил на 20 млрд руб. заемные письма сроком от четырех до девяти месяцев²². Возвращение занятых сумм предполагалось осуществлять хлебом и картофелем по заготови-

тельными ценам с удержанием в пользу Союза натурой от двух до четырех фунтов с пуда причитающегося заемщику.

Однако перечисленные мероприятия, проводимые Самарским кооперативсоюзом, являлись скорее, исключением, чем правилом. Кооперативные союзы (в основном, смешанные) и губкустпромы в большинстве губерний Поволжья (в том числе и в Самарской губернии) влачили жалкое существование. Производственная работа кустарно-промысловых кооперативов проходила в условиях острого недостатка собственных средств, сырья, отсутствия целевого и долгосрочного кредитования, отрицательно на работе сказывалась неурегулированность кустарного рынка.

Анализ различных источников показывает, что к концу 1921 г. органы управления кустарной промышленностью и промысловой кооперацией, а также низовая кооперативная сеть в Самарской губернии находились на грани хозяйственного краха. Из-за отсутствия сырья и кредита распались 7 из 10 артелей²³. Созданный 7 сентября 1921 г. Самарский губкустпром из-за отсутствия кредитов, а соответственно и наличных денежных средств не мог наладить работу с кустарно-промысловыми артелями, члены которых, ссылаясь на декрет от 17 мая 1921 г. договаривались с частными предпринимателями, минуя губкустпром²⁴.

Обращает на себя внимание докладная записка, направленная председателем Самарского губкустпрома Р.К.Грюнбергом в Главкустпром, в которой он пишет: "Губкустпром из-за полного отсутствия денег вынужден оставаться молчаливым свидетелем всей вакханалии и бессистемности, окружающих кустарную промышленность в Самарской губернии. Если в ближайшее время не будут выделены кредиты, то коллегия Губкустпрома слагает с себя ответственность за невыполнение всех распоряжений центра, за нарушение договоров и за ожидающий Самарский Губкустпром неминуемый крах"²⁵.

Еще в одной записке, направленной в Москву, он пишет: "...из-за голода кустари, имевшие своих лошадей для перевозки сырья и изделий для Губкустпрома, лишились тягловой силы и вынуждены были на салазках перевозить сырье и готовую продукцию в пределах 50-60 верст. Если Главкустпром и дальше будет слабо финансировать низовые

органы, то это окончательно погубит кустарную промышленность"²⁶.

Свою оценку кризисного состояния кооперированной кустарной промышленности дал председатель правления Самарского кооперативсоюза А.А.Бакаев. В докладе на собрании уполномоченных Губкооперативсоюза он назвал следующие причины кризиса: отсутствие у кустарно-промысловых кооперативов средств на приобретение сырья, нетранспортабельность вырабатываемых изделий из-за высоких транспортных тарифов, отсутствие кредитов и высокое налогообложение²⁷.

Кооперация была не в состоянии обеспечить мелких товаропроизводителей сырьем, а то, которым снабжала, было низкого качества и не имело спроса у последних. В такой ситуации кооперативные органы продавали некондиционное сырье частным скупщикам, которые, отсортировав его, перепродавали на сырьевых рынках со 100 % наценкой²⁸.

Сбыт кустарной продукции также не был отрегулирован. В докладе управляющего Самарским ГСНХ о работе первичных кооперативных организаций говорилось: "...каждая артель сбывает свою продукцию по отдельности, часто конкурируя друг с другом"²⁹.

В связи с невозможностью реализации кустарной продукции, а также с быстрым ростом цен на продукты первой необходимости и усилением голода с 1 апреля по 1 октября 1922 г. в Самарской губернии число кустарных артелей сократилось почти вдвое.

Итак, проведенный анализ организационного и хозяйственного состояния кустарно-промысловой кооперации рассматриваемой губернии в условиях перехода к новой экономической политике позволяет утверждать, что торговая и производственная деятельность данного вида кооперации осуществлялась в крайне неблагоприятных условиях, обусловленных жесткой налоговой политикой, недостатком денежных средств, низкой покупательной способностью населения, снятием местных органов управления кустарной промышленностью и промысловой кооперацией с государственного снабжения и т.д. Отрицательно на работе кооперативов сказывались последствия голода 1921 – 1922 г.

В целом, можно отметить, что вплоть до конца 1923 г. кустарно-промысловую кооперацию губернии периодически лихорадило и

если в непораженных засухой и голодом губерниях уже в 1921 г. началось постепенное восстановление и развитие данного вида кооперации, то в условиях рассматриваемого региона о названных процессах можно говорить лишь с начала 1924 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Во главе строительства нового общества. – М.: 1988; *Козлов И.А.* Революция, нэп и судьбы мелкого производства // Историческое значение нэпа. Сб. науч. трудов. – М.: 1990. – С.61 – 85.
2. *Николаев А.* Этапы и противоречия в развитии промышленной кооперации в 20-е годы // Кооперация: страницы истории. – М.: 1991. – С.144.
3. РГАЭ. Ф.1943. Оп.1. Д.829. Л.133.
4. XII Всероссийская конференция РКП (б). Бюллетень №2. – М.: 1922. – С.33.
5. *Худяков П.* За Волгой (заметки инструктора) // Вестник кустарной промышленности. – М.: – 1921. – №4 – 5. – С.23.
6. ГАПО. Ф.Р. – 4. Оп.1. Д.181. Л.3.
7. РГАЭ. Ф.1691. Оп.6. Д.188. Л.57.
8. ГАСО. Ф.Р. – 88. Оп.1. Д.820. Л.85.
9. ГАСО. Ф.Р. – 675. Оп.1. Д.74. Л.19.
10. *Каторгин И.И.* Исторический опыт КПСС по осуществлению новой экономической политики (1921 – 1925 гг.). – М.: 1971. – С.21.
11. Итоги собрания уполномоченных Всекопромсоюза // Кооперативный путь. – 1928. – №1. – С.28.
12. РГАЭ. Ф.1691. Оп.6. Д.212. Л.4.
13. ЦДНИСО. Ф.27. Оп.3. Д.1. Л.47 об.
14. РГАЭ. Ф.3986. Оп.1. Д.243. Л.86.
15. СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.199. Л.109.
16. *Худяков П.* За Волгой (заметки инструктора) // ВКП. – 1921. – №4 – 5. – С.22 – 23.
17. ГАРФ. Ф.1064. Оп.1. Д.110. Л.13.
18. РГАСПИ. Ф.17. Оп.13. Д.850. Л.29.
19. См.: РГАЭ. Ф.1691. Оп.1. Д.58. Л.503, 503 об.
20. Там же. Л.385.
21. РГАЭ. Ф.1691. Оп.6. Д.58. Л.80.
22. *Худяков П.* За Волгой (заметки инструктора) // ВКП. – 1921. – №4 – 5. – С.23.
23. ГАСО. Ф.Р. – 88. Оп.1. Д.353. Л.96.
24. РГАЭ. Ф.1691. Оп.3. Д.112. Л.31 об.
25. Там же. Оп.1. Д.58. Л.80 об, 81.
26. Там же. Оп.6. Д.212. Л.6.
27. Материалы второго очередного собрания Уполномоченных Самарского губернского союза сельскохозяйственной и кустарно-промышленной кооперации. 26 – 28 мая 1923 г. – Самара: 1923. – С.25.
28. Трудовая правда. – 1925. – 1 марта.
29. ГАСО. Ф.Р. – 88. Оп.1. Д.692. Л.97 об.

CRISIS OF THE HANDICRAFT INDUSTRY COOPERATION IN SAMARA REGION AT THE BEGINNING OF THE NEW ECONOMIC POLICY EXPERIMENT, 1921 – 1923

© 2008 O.V.Yagov

Penza State Pedagogical University named after V.G.Belinsky

In this article the author examines the reorganization of the handicraft industry cooperation in Samara region under relatively liberal economical conditions of the early 1920s. The author underlines that the transition of the cooperation system to the new management conditions was rather difficult and until 1924 that kind of cooperation was in the state of crisis.